

DOI: <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2021.3.20.24>

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНОГО СОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК: АРХАИКА И УТОПИЗМ

А. И. Павловский, Тюменский государственный университет,
e-mail: tiranosawr@yandex.ru

В работе для исследования противоречий процесса осмысления изменения социальных практик применяется теория структуризации Э. Гидденса, благодаря которой происходит противопоставление процессов трансляции социального опыта, протекающих на разных уровнях личности. На уровне практического сознания посредством мимесиса происходит перенос неявного знания за счет включения новых людей в уже существующие практики, постоянно адаптирующиеся к новым условиям. На уровне же дискурсивного сознания процесс может протекать двояко: либо в неизменном виде передаются прежние концепции социальной реальности, приспособляемые для понимания нового опыта, либо же в противовес им выдумываются новые утопические концепции, плохо адаптированные к текущим практикам.

Ключевые слова: гегемония, дискурсивное сознание, мимесис, неявное знание, практическое сознание, структуризация, традиция.

POLARISATION OF DISCURSIVE CONSCIOUSNESS IN THE PROCESS OF UNDERSTANDING CHANGES IN SOCIAL PRACTICES: ARCHAICISM AND UTOPIANISM

A. I. Pavlovskiy, Tyumen State University,
e-mail: tiranosawr@yandex.ru

To scrutinise contradictions of understanding changes in social practices, the article uses Anthony Giddens' theory of structuration, which helps to establish oppositions of social experience transfer at different levels of the agent. At the level of practical consciousness, tacit knowledge is transferred through mimesis by including new people in the existing practices that are constantly adapting to new conditions. At the level of discursive consciousness, the process may proceed in two ways: either the old unaltered concepts of social reality are transmitted, tailored to understanding new experience, or, controversially, new utopian concepts are invented, poorly customised to fit current practices.

Keywords: hegemony, discursive consciousness, mimesis, tacit knowledge, practical consciousness, structuration, tradition.

Современность характеризуется высокими темпами социальных изменений, которые обостряют проблему осознания результатов этих изменений, так как всегда существуют диаметрально противоположные их истолкования: от архаичных, предлагающих нам

конспирологическое понимание всяких перемен, до утопических, воссоздающих проекты самого нереалистичного будущего. При этом в обоих случаях речь идет о «непроницаемости» подобных объяснений для опыта, что позволяет рассматривать их как своего

рода мифы (подобное свойство приписывал первобытному мифологическому мышлению Л. Леви-Брюль [4, с. 61–62]).

Вместе с тем подобная реакция на перемены была свойственна людям и раньше, она только усилилась в условиях, когда эти изменения протекают быстро и являются столь явными. Поэтому возникает логичное предположение, что само ее возникновение должно иметь генетические основания, которые мы предлагаем рассмотреть посредством теории структуризации Э. Гидденса, в которой он различает и отчасти противопоставляет друг другу содержание дискурсивного и практического сознания, двух введенных им основных элементов структуры личности.

Э. Гидденс пишет: «Согласно нашей теории предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени» [3, с. 40]. И это, по сути дела, постулирование первичности практик по сравнению с индивидами и социетальными тотальностями, приводит к тому, что последние в той или иной форме являются производными этих практик: «Социальные действия людей... не создаются социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводятся ими, причем теми же самыми способами, посредством которых люди реализуют себя как акторы» [3, с. 40]. Но признание того, что практики могут быть независимы от людей, которые их осуществляют, означает фактически, что практики эти существуют помимо человеческой рациональности и не передаются посредством рационализованного знания.

Существует целый ряд философских теорий, в которых осмысливается существование нерационализируемого знания. М. Полани называет его «неявное знание», и согласно его теории «цель искусного действия достигается путем следования ряду норм или правил, неизвестных как таковые человеку, совершающему это действие» [5, с. 82]. В качестве примеров подобного «неявного знания» М. Полани приводит равновесие велосипедиста [5, с. 82–83], дыхание пловца [5, с. 82], ис-

полнение пианиста [5, с. 83–84] и т. д. Далее он переходит от этих относительно простых телесных форм к сложным ремесленным навыкам, которые формируются у ученика в результате длительной совместной работы с мастером [5, с. 86–87]. В том числе М. Полани говорит и о присутствии «неявного знания» в научной деятельности, естественно, в той мере, в какой она является ремеслом.

Если учесть, что не вся научная деятельность сводится к ремеслу, можно предположить, что в ней, кроме «неявного», присутствует и «явное», рационализируемое знание, которое может быть выражено в виде концептов, которые, таким образом, являются результатом рационализации массива человеческого опыта, в котором, впрочем, отсутствуют те самые важные элементы, которые необходимы для его ремесленного усвоения: «Писанные правила умелого действия могут быть полезными, но в целом они не определяют успешность деятельности; это максимы, которые могут служить путеводной нитью только в том случае, если они вписываются в практическое умение или владение искусством» [5, с. 83].

В концепции мимесиса К. Вульфа описывается передача подобного неявного знания: «Основа динамики социального действия лежит в *миметическом стремлении*, которое конститутивно для обучения практическому ритуальному знанию... Она упорствует одновременно в *повторении* и *различии* в социальном действии и тем самым создает энергию, движущую инсценирование действий. При повторении речь идет о том, чтобы в миметическом процессе как бы снять «отпечаток» прежних социальных действий и поместить его в новую ситуацию» [2, с. 15]. Понятно, что у К. Вульфа содержание передаваемого миметически «ритуального знания» шире, чем у М. Полани, который ограничивался научной деятельностью, здесь речь идет о любой деятельности вообще, что вполне логично, так как любая деятельность содержит элемент «неявного знания», что и делает невозможным ее чисто теоретическое освоение.

В теории Э. Гидденса это различие двух форм знания проводится структурно, выде-

ляются компоненты структуры личности, на уровне которых и осуществляются соответствующие манипуляции: «Дискурсивное сознание... То, что акторы способны сказать о социальных условиях или дать этому вербальное выражение, в особенности — об условиях своих собственных действий; осведомленность, которая имеет дискурсивную форму» [3, с. 498]; «Практическое сознание... То, что акторы знают (или во что верят) о социальных условиях, включая, в особенности, условия их собственной деятельности, но не могут выразить это в дискурсивной форме; в отличие от бессознательного практическое сознание “не ограждается” барьерами, основанными на психологической репрессии» [3, с. 500].

Исходя из этого, вполне логично можно предположить, что и передача данных форм знания происходит посредством различных механизмов. «Неявное знание» практического сознания, как уже было отмечено выше, передается миметически, в то время как «явное знание» дискурсивного сознания — вполне рационально. Говоря о взаимосвязи двух этих каналов передачи, можно вспомнить предположение П. Рикера: «...традиция... остается мертвой традицией, если она не является непрерывной интерпретацией этого вклада: “наследие” не есть запечатанный пакет, который, не открывая, передают из рук в руки, но сокровище, откуда можно черпать пригоршнями и которое пополняется в самом этом процессе. Всякая традиция живет благодаря интерпретации; именно этой ценой она продлевается, то есть остается живой традицией» [6, с. 67]. Но это высказывание нуждается в расшифровке, так как передача «явного знания» как раз и представляет собой тот самый «запечатанный пакет», который и остается мертвой традицией без своей постоянной инсталляции в рамках все новой и новой практики, которая может в разной степени соответствовать этому устанавливаемому «пакету». Проблема в том, что, строго говоря, сам «пакет» не претерпевает трансформации, он только пополняется новыми дискурсивными продуктами (прежде всего, концептами),

которые дополняются к старым, формируя достаточно противоречивое множество, которое собирается в систему только в рамках очередной интерпретации, вписывающей его в современность. Ярким примером подобного развития является, например, религиозное содержание нашего мировоззрения, которое на протяжении веков опирается на один и тот же постоянно расширяющийся пакет текстов, которые при неизменности «буквы» радикально переосмысливаются «по духу», приспосабливаясь к очередной современности.

Подобное переосмысление «пакета» (содержания дискурсивного сознания, набора сакральных текстов и др.) имеет свои границы, выход за которые невозможен без сведения трактуемого первоисточника к набору метафор, но подобный путь имеет свои ограничения. Во-первых, подобному истолкованию в большей мере подвержены писанные тексты, иные продукты дискурсивного сознания сложнее подвергнуть такой трансформации, так как они не имеют точной, буквально зафиксированной формы. А во-вторых, превращение ключевых идей традиции в метафоры значительно ослабляет действенность традиции, ее влияние на людей.

М. Арчер, анализируя концепцию структуры Э. Гидденса, подчеркивает, что ключевую роль в формировании современности имеют мертвые: «Мы снова вернулись к тому, что тезис о зависимости социальных структур от понятий и представлений можно принять только в одном-единственном смысле: имея в виду концепты (идеи, убеждения, намерения, взаимные соглашения и уступки, а также непреднамеренные последствия деятельности) давно ушедших поколений. Именно эти представления продолжают играть важную роль в современных структурах, несмотря на энергичные усилия действующих изменить их (например, расизм и сексизм)» [1, с. 175]. На уровнях дискурсивного и практического сознания эта обусловленность прошлым протекает по-разному, и если для практического сознания свойственна большая изменчивость и поэтому настоящее все же по-

глощает прошлое, присутствуя скорее в виде источника стройматериала для современного поведения, то дискурсивное сознание постоянно тянет нас в прошлое, так как набор его продуктов (тот самый «пакет» П. Рикера) содержит прямую отсылку к прошлому, сохранившемуся в этих продуктах.

Э. Гидденс обобщенно фиксирует проблему: «...причины, дискурсивно выдвигаемые акторами в качестве обоснования своих поступков, могут расходиться с фактической рационализацией действия, определяющей их поведение в действительности» [3, с. 42]. Откуда вытекают вполне очевидные последствия: «...индивиды могут оперировать ошибочными теориями, ссылаться на ложные описания или оценки контекстов собственной деятельности и свойств окружающих социальных систем. Именно здесь находятся очевидные источники возможного противоречия между практическим и дискурсивным сознанием» [3, с. 152].

Выше мы рассматривали только один из возможных механизмов формирования такого противоречия, когда быстро меняющееся практическое сознание сталкивается с архаичными пережитками дискурсивного сознания, препятствующему эволюции общества. И этот механизм является наиболее очевидным, но вместе с тем не единственным. Стремление преодолеть ограничение архаики дискурсивного сознания может привести к обратному процессу, стержнем которого является стремление рационально сконструировать дискурсивные продукты «нового общества», которые должны заменить устаревшие идеи. Проблема в том, что в этом случае разрыв между дискурсивным и практическим сознанием оказывается еще больше, так как эти «новые идеи» вообще не опираются ни на какую практику, в том числе и устаревшую, они предшествуют практике, а потому не проходят проверку самой возможности осуществления на практике. Альтернативой архаизма дискурсивного сознания выступает его утопизм.

На уровне практического сознания человеческое общество распадается на множество

групп, объединяемых разными практиками, и в этом отношении о единстве этого общества можно говорить только в той мере, в какой оно достигается на уровне дискурсивного сознания единством общественной идеологии. Проблема заключается в том, что интерпретаций практик может быть еще больше, чем самих практик, а поэтому сомнительна перспектива формирования идеологического консенсуса, например такого, как понимал его в своей концепции гегемонии А. Грамши [7, с. 159-160], в рамках марксистского классового подхода.

Вместе с тем понятие «гегемония» можно трактовать не классово и подчеркивать в нем отнюдь не «компромиссные черты», благодаря которым разные группы по той или иной причине присоединяются к идеологическому консенсусу. Идеологическая гегемония оказывается в этом случае результатом навязывания посредством определенных инструментов распространения идеологических продуктов представлений одной из групп всему остальному населению. И в соответствии с вышеприведенной логикой в качестве двух ключевых полюсов, участвующих в борьбе за идеологическую гегемонию, выступают «архаическое» и «утопическое» сообщество групп, внутри каждого из которых, действительно, складывается соответствующий консенсус, благодаря которому каждая из групп защищает свои интересы.

Таким образом, осмысление изменения социальных практик приводит к поляризации общества на уровне дискурсивного сознания, когда в нем формируются две противоположные идеологии, трактующие практики настоящего посредством либо концептов прошлого, обусловленных уже исчерпавшими себя практиками, либо посредством утопических представлений о будущем. В обоих случаях продукты дискурсивного сознания оказывают деформирующее воздействие на наличные практики, затрудняя их приспособление к реальным вызовам настоящего, что тормозит общественное развитие и порождает всевозможные «тупики», преодолеваемые катастрофическим способом.

Список литературы

1. *Арчер М.* Реализм и морфогенез // Теория общества. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 157–195.
2. *Вульф К.* К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009. 164 с.
3. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
4. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
5. *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
6. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
7. *Шевченко М. А.* Концепция культурной гегемонии А. Грамши в рамках теории массовой коммуникации // Вопросы студенческой науки. 2019. Вып. № 5 (33). С. 159–161.

References

1. *Archer M.* Realizm i morfogenez // Teoriya obshchestva. Sbornik. M.: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 1999. S. 157–195.
2. *Vul'f K.* K genezisu sotsial'nogo. Mimezis, performativnost', ritual. SPb.: Intersotsis, 2009. 164 s.
3. *Giddens E.* Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii. M.: Akademicheskiiy projekt, 2005. 528 s.
4. *Levi-Bryul' L.* Sverkh'yestestvennoe v pervobytnom myshlenii. M.: Pedagogika-Press, 1994. 608 s.
5. *Polani M.* Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoy filosofii. M.: Progress, 1985. 344 s.
6. *Riker P.* Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike. M.: Akademicheskiiy projekt, 2008. 695 s.
7. *Shevchenko M. A.* Kontsepsiya kul'turnoy gegemonii A. Gramshi v ramkakh teorii massovoy kommunikatsii // Voprosy studencheskoy nauki. 2019. Vyp. № 5 (33). S. 159–161.